

О переводе главы «О цензуре» «Шести книг о республике» Жана Бодена

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-339-368.

Жан Боден — французский юрист, политический деятель и мыслитель — родился в 1529(30) году в Анже и умер в 1594 году в Лане. Боден известен как автор теории суверенитета, нескольких трактатов, касающихся истории, политики, демонологии и натурфилософии. С начала XIX столетия о его идеях, трудах, жизни и политической деятельности вышло множество работ. В последние двадцать лет интерес к творчеству Жана Бодена не утихает, а, скорее, приобретает новые очертания. Это связано с появлением сравнительно новых подходов в исторической науке и политических исследованиях, а также новых переводов его трудов.

«Шесть книг о республике», пожалуй, самый знаменитый трактат Бодена. Он был впервые издан в 1576 году, выдержал огромное число переизданий на разных европейских языках, но так и не был переведен на русский. В разное время небольшие фрагменты из этого монументального труда были переведены Н. А. Хачатурян (Боден, Баязитова, 1999a: 688–695), Г. И. Баязитовой (Боден, Хачатурян, 1999b: 219–229). В представленном переводе название трактата воспроизводится в оригинальной транскрипции как «республика», а не «государство». Это связано с особой коннотацией термина «*République*» в античной и средневековой политической философии, где «*Res publica*», «*République*» обозначает идею «общего дела» и «общего блага», а, с другой стороны, в раннее новое время данное понятие эта дефиниция применяется для обозначения раннемодерного государства (Баязитова, 2017: 60).

Структура трактата «Шесть книг о республике» описана самим Боденом в предисловии к нему. В каждой из книг раскрывается определенный сюжет. Шестая книга начинается с главы о цензуре, далее следует глава о финансах, вслед за ней — глава о фальсификациях монет, затем — о сравнении трех форм республики и самой лучшей из них — монархической форме, в пятой главе говорится о способе передачи власти в монархической республике и о том, что монархия должна быть наследственной, а в шестой заключительной главе представлены три вида

справедливости, на которых должна быть основана любая республика. Несмотря на кажущуюся непохожесть сюжетов, шестая книга связана одной очень важной мыслью: республика должна быть устойчивой и стабильной. Любая из сфер, — фискальная, священническая, правовая, символическая, божественная, — о которых пишет Боден, является необходимым основанием для дальнейшего существования республики.

Представленный перевод первой главы шестой книги «О цензуре» на русский язык публикуется впервые. Поэтому необходимо осветить основные моменты, связанные с местом данного сюжета как в составе шестой книги, так и в рамках сочинений Бодена в целом.

Название института цензуры — *censura* — происходит от латинского слова *censere* — «оценивать, определять стоимость вещи». Производными от него являются слова *censor* (цензор — «магистрат, отвечавший за оценку имущества»), *census* («оценка имущества и гражданских отношений каждого римлянина и контроль за ними»). Появление института цензуры связано с введением должности цензора в 443 году до н. э. в Древнем Риме во время борьбы патрициев и плебеев, о чем известно из «Истории Рима» Тита Ливия. По его свидетельству, в обязанности цензора входил надзор за образом жизни и нравами римлян, сбор налогов, контроль над общественными и частными постройками и позднее — перепись населения. Достаточно подробно возникновение и деятельность цензоров, института цензуры описаны в статье А. Н. Маркина, вышедшей в 2016 году (Маркин, 2016: 7–16), поэтому специально останавливаться на сюжете развития и упадка института нецелесообразно.

Боден начинает свою главу с описания института цензуры, когда приступает к исследованию третьей составляющей республики — того,

что является общим в республике и лежит в управлении финансами, доменом, рентами и доходами, тальей и налогами, деньгами и другими сборами на содержание республики (Bodin, 1579: 832).

И вполне логично он обращается к цензуре, первая функция которой — это «оценка имущества каждого» (*ibid.*). Глагол *censere* в латинском языке имел несколько значений, но основным было — «оценивать, определять стоимость вещи», в том числе «производить оценку», «делать опись имущества римских граждан». Таким образом, деятельность института цензуры подразумевала подсчет

числа граждан и их положения в обществе, оценку и декларацию имущества каждого для того, чтобы управлять подданными и направлять их (*ibid.*).

И эта деятельность касалась не только учета доходов, но и возможности использовать подданных в военных действиях, в подсчетах при голосованиях на выборах, уменьшении огромного количества судебных дел.

Боден придерживался мнения, что должность цензоров существовала в Древней Греции, и ссылался на Аристотеля и Демосфена. В связи с этим А. Н. Маркин приводит мнение М. М. Ростовцева, который считал, что должность цензоров в Древнем Риме скопирована с афинских полетов. Сам же А. Н. Маркин рассматривает данное суждение скорее как гипотетическую возможность (Маркин, 2016: 7).

Говоря о первых годах существования института цензуры, Боден практически целиком опирается на мнение Тита Ливия, дополняя сведения ссылками на Светония Транквилла. Затем он переходит к доказательствам того, что и древние римляне, и древние евреи имели должностных лиц, следивших за количеством подданных. Боден сравнивает число граждан Рима, входивших в переписи и подвергшихся люстрациям, число евреев, вышедших из Египта вслед за Моисеем, и число оставшихся/родившихся через сорок лет. Вывод, который он делает на основе анализа Исхода, «Истории Рима» Тита Ливия и Павсания заключается в том, что цензура при помощи люстрации помогала регулировать число граждан Древнего Рима, а также других республик. Люстрация была не единственной возможностью влиять на число граждан / подданных¹. Боден считал, что существование цензуры позволяет изгнать из республики маргинальные слои: бродяг, воров, лиц, которые не заняты никакой деятельностью и не владеют хозяйствами (сюда он относит и комедиантов), — отрегулировать систему взимания налогов в пользу более справедливого распределения в соответствии с имуществом каждого подданного. Именно цензура, по его мнению, препятствует мздоимству и коррупции.

Важнейшей функцией института цензуры является не просто фискальный контроль, но контроль за жизнью и деятельностью общества и каждого человека в отдельности (Bodin, 1579: 842):

В этом, следовательно, состояла обязанность цензоров: осуществлять перепись имущества и лиц, быть главными надзирателями за финансами; укреплять налоги и дорожные пошлины и все имущество республики; исправлять

¹Боден в разных случаях по-разному описывает общество. Так, для идеальной республики — это подданные (*les subjects*), в случае Древнего Рима — граждане (*les citoyens*).

злоупотребления, назначать и смещать сенаторов; отстранять от должности рекрутов-пехотинцев (*les gens des ordonnances*) и людей из сословия всадников; фиксировать жизнь и нравы каждого.

Исправление нравов — то, что должно иметь место в любой республике, и потому Боден считает, что вопросы религии, воспитания подрастающего поколения, осведомления о добрых нравах — все это должно входить в обязанности цензора и закрепляться законодательно. Важно отметить, что деятельность цензора, по мнению автора, должна быть выведена из-под любой юрисдикции, то есть она должна стать чрезвычайной, поскольку цензора должны бояться. Боден допускает, что должность цензора может носить и священнический характер, то есть одновременно иметь два статуса: светский и религиозный. По сути, функции цензора близки к монархическим обязанностям и единственная юрисдикция для цензора — это божественный закон.

Таким образом, глава о цензуре не случайно помещена Боденом в начало последней книги, поскольку она предваряет его рассуждения о конечной цели любой республики — достижении гармонической справедливости в республике под властью единого монарха. В шестой главе он снова вернется к идее регулирования жизни общества в республике, когда будет говорить о сосуществовании различных сословий и людей, обладающих разными талантами в одном политическом пространстве. Поэтому регулирование и контроль, лежащие в основе института цензуры, выступают системообразующими сюжетами в данной книге.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И КОММЕНТАРИИ

Главной особенностью «Шести книг о республике» с точки зрения социолингвистического анализа является тот факт, что этот труд был изначально написан на французском (среднефранцузском) языке. И хотя сам Боден перевел свой труд на латинский язык, именно издания на французском языке, дополненные и поправленные, стали читаться и переиздаваться при жизни автора и после его смерти. Это был осознанный шаг самого Бодена, объясненный им в предисловии к трактату: он хотел, чтобы его слова были услышаны всеми «природными французами». При этом нужно понимать, что рабочим языком французской интеллектуальной элиты и самого Бодена был латинский. В этот период языковая ситуация во Франции может быть охарактеризована как диглоссия (несбалансированное двуязычие), когда в рамках одного языкового коллектива сосуществуют две языковые системы,

причем говорящие оценивают эти языки по шкале «высокий-низкий», «торжественный-обыденный». Французский язык еще не был кодифицирован в той же мере, как латинский язык, его не преподавали в школах, он не был объектом теоретического изучения. Именно в этом смысле Л. Марзис называет его «вульгарным языком» (Marzys, 1974: 315).

Но уже в XV веке, после Столетней войны, королевская власть начинает унифицировать административный язык на всей территории Франции. Об этом свидетельствуют королевские эдикты конца XV – начала XVI века. Так, например, ордонанс Мулена (*ordonnance de Moulins*) 1490 года рекомендует употребление французского или материнского языка (*langage françois ou maternel*) при составлении всякого рода протоколов и при допросах. Ордонанс Ис-сюр-Тиль (*ordonnance d'Is-sur-Tille*) 1535 года требует, чтобы все судебные документы составлялись на французском языке или по крайней мере на местном диалекте (*en françoys ou a tout le moins en vulgaire dudict pays*). И, наконец, в 1539 г. издается знаменитый ордонанс Виллер-Котре (*ordonnance Villers-Cotterets*), в котором говорится (в статьях 110 и 111), что все постановления, все судебные процедуры, расследования, книги записей, контракты, поручения, приговоры, завещания и другие судебные акты или решения должны объявляться, записываться и выдаваться сторонам на французском языке и никак иначе (*Recueil général...*, 1826: 622–623). Как отмечает Р. Э. Лодж, к 1539 году большинство региональных языков уже были заменены в юридических документах языком королевского двора не только в провинциях, находящихся под политической властью монарха, но и в таких соседних областях, как Валлония, Лотарингия, Франш-Конте, Вале, Прованс, Савойя и другие. Лишь Наварра и Русильон продолжали применять гасконский и каталанский языки (Lodge, Veken, 1997: 172–174).

При Франциске I, в 1529–1534 гг., был создан Коллеж королевских лекторов (*Collège des lecteurs royaux*, позднее — *Collège de France*), который противопоставлялся консервативной и схоластической Сорбонне, и в нем преподавание философии и математики велось на французском языке. Однако до 1576 г. Боден не был захвачен этим трендом. Известен его небольшой труд 1551 г. под названием «Речь к Сенату и народу Тулузы об образовании, которое должны получать молодые люди в республике», где Боден призывал тулузцев к изучению древних языков в связи с закладкой Коллежа Капитолия (*Collège de Capitouls*), строительство которого было начато при Генрихе II, но работы были приостановлены в связи с другими более важными проектами (Баязитова, 2015: 45).

При работе над главой «О цензуре» авторы перевода пользовались несколькими изданиями «Шести книг о республике»: во-первых, изданием 1579 г. на французском языке (уточненное издание, вышедшее так же, как и издание 1576 г., в издательстве Жака Дюпои) (Vodin, 1579); во-вторых, изданием на латинском языке 1586 г., написанным / переведенным самим Боденом (в нем более ясно представлены термины римского права либо латинские аналоги французских терминов) (Vodin, 1586); в-третьих, изданием 1986 г., вышедшим в издательстве «Файярд» (факсимиле издания Габриэля Картье 1593 года — наиболее позднее и полное прижизненное издание Бодена) (Vodin, 1986). Для уточнения некоторых мест привлекался английский перевод, подготовленный Ричардом Ноллсом в 1606 г. (Vodin, Knolles, 1606), отдельные комментарии даны, чтобы подчеркнуть существующие между ними различия.

В переводе были сохранены авторские разбивки главы на параграфы с ориентацией на издание 1986 (1593) г. (в прижизненных изданиях они вынесены на поля). В редких случаях Боден вставляет во французский текст латинские цитаты из сочинений вышеперечисленных авторов. Данные фрагменты приведены в сносках полностью. Перевод с латинского выполнен Н. Н. Лыковой по тексту Бодена.

Следует дать небольшое объяснение комментариям переводчиков к тексту. Многие исторические термины в современном языке имеют принципиально иное значение, поэтому требуют пояснения контекста, в котором они возникли и в котором их использовал Боден. Более того, в некоторых случаях перевод таких терминов на русский язык зависит от конкретного словоупотребления, в этом случае в подстрочнике термины приводятся в оригинале. Пояснения переводчиков нужны и при переводе терминов, касающихся системы мер и весов, а также денежных единиц, поскольку Боден, как правило, приводит их в соответствие с современными ему французскими эквивалентами. Некоторые комментарии даются переводчиками из-за нарушения внутренней логики текста.

Г. И. Баязитова, к. и. н. (ТюмГУ)
Н. Н. Лыкова, д. филол. н. (ТюмГУ)
Д. С. Митюрева (ТюмГУ)

ЖАН БОДЕН

ШЕСТЬ КНИГ О РЕСПУБЛИКЕ*

КНИГА 6. ГЛАВА 1. О ЦЕНЗУРЕ

До этого мы вывели первую часть определения республики, которая понимается нами как правильное управление многочисленными домохозяйствами, осуществляемое суверенной властью, и подробно рассуждали о том, что зависит от одного определения; теперь остается сказать о второй части, а именно о том, что является общим в республике и лежит в управлении финансами, доменом¹, рентами и доходами, тальей² и налогами, чеканкой монеты и другими сборами на содержание республики; и в том, чтобы понять оное, поговорим в первую очередь о цензуре³.

Цензура на самом деле является не чем иным, как оценкой имущества каждого. И поскольку мы будем обсуждать финансы, необходимо поговорить о цензуре и показать, что из всех магистратов любой республики нет других, более необходимых; и если нужда в них очевидна, то еще и польза их гораздо больше как в том, чтобы знать число граждан⁴ и их состояние, так и чтобы выявить и оценить имущество каждого из них или управлять подданными и направлять их. И я изумился, что такое прекрасное, полезное и необходимое дело заброшено, учитывая, что к нему обращались все греческие и латинские народы древности. Ведь, по словам Аристотеля, проводили оценку имущества каждого человека каждый год, другие — раз в три, четыре, или пять лет. Об этом на основе выписок из цензорских бумаг говорил и Демосфен. Обращаясь к народу, он утверждал, что весь доход с территории Атики

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод : © Гульнара И. Базитова (ORCID : 0000-0003-2858-9518), Надежда Н. Лыкова (ORCID : 0000-0003-0558-1214), Дарья С. Митюрева (ORCID : 0000-0001-7457-2798). Оригинал : *Bodin J. Les six livres de la République*. — Paris : Fayard, 1986. — P. 613-627.

¹В XVI в. королевский домен (фр. *domaine royal français*) состоял из земель Иль-де-Франс и Орлеана. Согласно Муленскому эдикту 1566 г. домен короля был признан неотчуждаемым, составлявшим основу территории Французского королевства.

²Талья — постоянный налог на земельные наделы и недвижимое имущество лиц недворянского сословия, который к XV–XVI вв. стал одним из главных источников пополнения королевской казны (Анот, Мельгунов, 2017).

³Цензура — политический, правовой и сакральный институт в Древнем Риме, возникший в V в. до н.э. во время борьбы патрициев и плебеев. Изначально должность цензора была установлена для проведения переписи (census). В обязанности цензоров также входило осуществление надзора за правами римских граждан (Маркин, 2016).

⁴В тексте — «la personne»; в латинском тексте — «civis» (гражданин).

составляет шестьдесят тысяч талантов, или тридцать шесть миллионов королевских экю.

ГРЕКИ ИМЕЛИ ЦЕНЗОРОВ

Так, римляне, подражающие грекам в похвальных вещах, очень хорошо сумели применить этот обычай и перенести его в Рим. Это сделал царь Сервий, за что и получил высокую оценку историков. И хотя народ отменил и уничтожил все эдикты и ордонансы царей после их изгнания, тем не менее цензура осталась основой финансов, налогов и публичных податей и занимались ею консулы лично.

ЛАТИНЯНЕ И РИМЛЯНЕ ИМЕЛИ ЦЕНЗОРОВ

После того как консулы отвлеклись на военные дела, была учреждена должность цензоров, чьи обязанности прежде исполняли консулы в течение 66 лет. Первыми назначенными цензорами были Луций Папирий и Луций Семпроний⁵, которые занимали этот пост пять лет, а десять лет спустя Луций Эмилий Мамерк⁶ сократил срок цензуры до 18 месяцев. Затем этой традиции стали следовать все города Италии, а также римские колонии, которые привозили в Рим цензорские документы. С тех пор эта должность оставалась постоянной, и даже диктатор Цезарь взял на себя труд ходить от дома к дому, выполняя обязанности цензора, поскольку он называл себя *Magister morum*⁷. А императору Августу, как только он вернулся в Рим после победы над Марком Антонием, Сенат своим решением вменил в обязанность должность цензора, назвав его [Августа] *Praefectum morum*⁸. Август трижды проводил перепись римских граждан и имущества каждого из них; и не только римских горожан, которые были разбросаны по всей Империи, но и всех подданных в каждой провинции. Таким образом, не было такого императора, который оставил бы империю в лучшем состоянии, чем этот. Затем этот обычай был прерван при тирании Тиберия и был восстановлен императором Клавдием, который провел 74-ю люстрацию⁹, затем — заброшен при Нероне и снова продолжен при Веспасиане,

⁵Луций Папирий Мугилан и Луций Семпроний Атратин — первые римские цензоры, избранные в 423 г. до н. э.

⁶Луций Эмилий Мамерк — римский политик и военачальник, консул 484, 478 и 473 гг. до н. э.

⁷Учитель нравов.

⁸Дословно — префект нравов, т. е. наблюдающий за нравственностью.

⁹Люстрация (лат. *lustrum*) — церемония священнодействия, которую совершал цензор по окончании пятилетнего срока цензуры. Церемония очищения, которую проводили

который провел 75-ю люстрацию. Вновь он был заброшен при тирании Домициана, который назвал себя вечным цензором, но не провел ни единой люстрации. Спустя сто пятьдесят лет или около того император Деций провозгласил через Сенат Валериана цензором с неограниченной властью; и после того как эта должность была заброшена, империя все больше приходила в упадок.

Правда, греческие императоры¹⁰ создали должность, которую они назвали *Magistrum census*, для регистрации завещаний, публичных актов, имени и возраста каждого однако не [обладающую] таким достоинством и властью, как у древних цензоров. Но точно известно, что все города, подвластные Римской империи, имели цензоров еще при императоре Траяне и что сенаторы каждого города выбирались цензорами, как мы видим в послании Плиния Младшего императору Траяну. И чтобы не ходить за пределы нашего¹¹ королевства, мы читаем, что король Хильдеберт, поддавшись уговорам Маровея, епископа Пуатье, издал эдикт, по которому приказал переписать число подданных и имущество каждого из них. Иногда это делают еще в Венеции, в Генуе и в Лукке, где имеется должность цензоров. А также в Венеции в 1566 году были учреждены три магистрата, которые были названы *Господами благополучия города* (*I Signori sopra il ben vivere de la cita*). Годом ранее я освещал это в книге, в которой, говоря об их государстве, я сказал, что при таком большом числе чиновников, которое они имеют, они забыли о цензорах, которые были самыми необходимыми. Однако они не хотели называть их цензорами, опасаясь, возможно, как бы строгость этого названия не уменьшила свободу этого города, живущего в удовольствиях и сладострастии. Республика Женева вместо цензоров назначила десять старейшин, которые выбирались как магистраты, а именно четырех из совета шестидесяти и шестерых из совета двухсот, которые держат подданных этой республики в такой строгости, что остается очень мало безнаказанных преступлений и не нужно сомневаться в том, что их республика будет процветать в прекрасных нравах до тех пор, пока они будут поддерживать старейшин. Таким образом, мы видим, что

накануне переписи, осуществляемой каждые пять лет при выборе цензоров (См. подробнее: Маркин, 2016).

¹⁰Имеются в виду императоры Восточной Римской империи (Византии).

¹¹На протяжении всей книги Боден употребляет указательное выражение «се гоуаше», когда речь идет о Франции. В тексте перевода в подобных случаях оно заменено выражением «наше королевство».

почти не было хорошо устроенной республики, которая не использовала бы цензоров и цензуру.

В том многие заблуждаются, кто думает, что Давид был осужден и наказан за то, что [велел] переписать число подданных, так как сам Бог повелел Моисею сделать это после исхода из Египта и впоследствии еще [раз], прежде чем войти в Палестину, и не только количество, но также семьи и имена каждого, перед тем как они что-либо приобрели. Но ошибкой, совершенной Давидом, было забыть о заповеди Бога, которая гласила, что, когда число людей будет посчитано, каждый [должен] отдать Богу две серебряные драхмы. Как хорошо заметил Иосиф, текст закона является в этом однозначным. И может быть, это было для того, чтобы поразить нечестие язычников, которые, определяя количество подданных, предлагали своим богам серебряную монету за каждого, тогда как в подобном случае Бог повелевает, чтобы разливали кровь принесенных жертв сверху и рядом с алтарем, поскольку они привыкли приносить ее дьяволам — это то, что им совершенно запрещено законом. И, кажется, царь Сервий позаимствовал эту церемонию у народов Востока, когда он приказал установить кружку для пожертвований внутри храма Юноны Луцины, в которую клали один денарий за каждого родившегося, и другую — в храме Ювенты, в которую также клали один денарий за каждого, кто достигал 17 лет, то есть возраста, когда надевают простую тогу без пурпура. А третья была в храме Венеры Либитины, куда клали один денарий за каждого умершего. И этот обычай оставался всегда, даже когда отказались от цензуры, а также в Афинах заставляли регистрироваться в четырнадцать лет в регистрах республики.

ПЕРЕПИСЬ НАРОДА, ИЗБРАННОГО БОГОМ

Но перепись народа, которую Бог повелел сделать, касалась только тех, кто мог держать оружие с двадцати лет и старше, куда, кажется, шестидесятилетние старики не включались, и тем не менее в ней оказалось после подсчета, сделанного по именам и по головам, шестьсот тридцать тысяч пятьсот пятьдесят человек, помимо рода левитов, который насчитывал двадцать две тысячи от одного месяца и старше; [таким образом,] всего было шестьсот пятьдесят две тысячи пятьсот пятьдесят человек. А сорок лет спустя после того, как количество было пересчитано, и после того, как все те, кто вышел [из Египта], были мертвы, кроме Моисея, Иосифа и Калеба, их оказалось шестьсот двадцать четыре тысячи семьсот семьдесят три, включая левитов: без женщин,

рабов, стариков и молодых людей младше двадцати лет, которых было по меньшей мере в два раза больше. Но Тит Ливий сообщает в третьей книге, говоря о количестве граждан, которые были подсчитаны в Риме: число посчитанных [граждан] составило 104 и пятнадцать тысяч граждан, кроме сирот и вдов¹². И Флор говорит в пятьдесят девятой книге: число граждан составило 313 тысяч 823, кроме сирот и вдов. Пять лет спустя он говорит: число граждан составило 390 тысяч 736, а в следующую люстрацию — 394 тысячи 336, и в следующую люстрацию — 450 тысяч, и в последующую — 150 тысяч. Я пропускаю предшествующие люстрации, которые все были больше, чем эта последняя, но, кажется, что римские горожане не были исключены — как явствует из того, что я отметил, были исключены только вдовы и сироты. И тем не менее Флор говорит в двадцать седьмой книге: число граждан составило 137 тысяч, из чего видно, сколько человек потеряли римляне в своих злополучных войнах. А о предыдущей люстрации он говорит: число граждан составило 270 тысяч. Как если бы он хотел сказать, что потери, которые они потерпели от Ганнибала, унесли 133 тысячи горожан, потому что, если бы там были посчитаны женщины, которые не участвовали в войне, остались бы только женщины, учитывая, что их всегда столько же или больше, чем мужчин, как я показал ранее. И в Афинах их оказалось больше, чем мужчин, как говорит Павсаний, но это разногласие снимается Титом Ливием, когда он говорит о седьмой люстрации, что среди совершеннолетних граждан было около 110 тысяч женщин, детей, рабов, торговцев; среди тех, кто занимался основными ремеслами (поскольку ни один римлянин не мог быть ни торговцем, ни ремесленником), их было в три раза больше, чем среди граждан¹³, — из чего ясно, что торговцы, ремесленники, женщины и дети не были включены в перепись. Что касается рабов, их считали не как горожан, а как движимое имущество; их обычно приходилось пятьдесят [человек] на одного [гражданина]. И также в Афинах оказалось в сто раз больше рабов, чем свободных людей, по переписи, которая была проведена, так как на десять тысяч иноземцев и двадцать тысяч горожан имелось четыреста тысяч рабов. А в числе жителей Венеции,

¹²*Censa sunt civium capita centum quattuor & xv. millia praeter orbos, orbasque* (см.: Тит Ливий, Адрианов, 2009: 126).

¹³*Civium qui puberes essent, supra centum decem millia erant: mulierum autem & puerorum, seruatorumque & mercatorum, & sordidas artes exercentium (siquidem Romanorum nemini cauponariam, aut operosam artem tractare licuit) triplo plus quam turbae civium.*

переписанных двадцать лет тому назад или около того, оказалось на две тысячи женщин больше, чем мужчин, как я отметил выше.

ПОЛЬЗА, КОТОРУЮ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ ПЕРЕПИСИ ПОДДАННЫХ

Итак, польза, которую получило общество в результате осуществляемой переписи, была бесконечной: во-первых, что касается людей, было известно и их количество, и возраст, и положение в обществе; и сколько можно было бы их взять для того, чтобы отправиться на войну, либо для того, чтобы оставаться на месте, либо для того, чтобы отправиться в колонии, либо для того, чтобы использовать [их] в утомительной и тяжелой работе по восстановлению и сооружению укреплений, либо для того, чтобы знать, какие обычные и продовольственные запасы были необходимы для жителей каждого города, главным образом, когда было необходимо выдержать вражескую осаду, и с чем нельзя справиться, если не знать число подданных. Ведь есть только польза от того, что известен возраст каждого, поскольку отсекается миллион судебных дел и споров, которые заводятся для возмещения [ущерба], и актов, касающихся меньшинства или большинства людей. В этом была основная причина того, почему канцлер Пуайе, кроме заслуживающих уважения ордонансов, которые он опубликовал, захотел, чтобы священники регистрировали всех новорожденных. Но ввиду того, что регистры не хранились как должно, этот ордонанс также плохо исполнялся¹⁴.

СРЕДСТВО УМЕНЬШИТЬ ЧИСЛО ПРОЦЕССОВ

И с точки зрения происхождения мы видим бесконечное число судебных дел, [касающихся] знати, которые можно было бы сократить этим способом: это, например, дела о подделках, связанные с искажением имен, родителей, страны, состояния и положения каждого, в которых по ошибке цензоров и цензорских бумаг невозможно разобраться. Это заметно в случае, когда в числе афинских горожан, которых подсчитал Перикл, чтобы [определить] права и привилегии, которые они имели

¹⁴Канцлер Гийом Пуайе (1474–1548) — составитель королевского ордонанса 1539 г. об унификации государственного управления. Ордонанс Виллер-Котре (фр. Ordonnance de Villers-Cotterêts) был направлен на ликвидацию последствий средневековой феодальной раздробленности французских земель и скорейшую интеграцию северо-западной Романии в рамках унитарного Королевства Франция. В 1534 г. Гийом Пуайе был президентом Парижского парламента. В 1544 г. он был отстранен от должности Франциском I.

в отличие от иноземцев, оказалось тринадцать тысяч триста шестьдесят горожан и пять тысяч чужеземцев, которые числились в качестве горожан, проданных как рабы.

Более того, для установления и упорядочивания сословий, корпусов и коллегий согласно имуществу и возрасту каждого, как это делалось в Риме и в Греции, более чем необходимо знать число подданных. А также для сбора голосов на выборах тоже требуется [знать] количество людей; и чтобы распределять народ на десятки, сотни, тысячи, тоже требуется знать количество людей.

СРЕДСТВО ИЗГНАТЬ БРОДЯГ И СБРОД ИЗ РЕСПУБЛИКИ

Но один из самых больших и главных плодов, который можно получить от цензуры и переписи подданных, — это то, что можно узнать, к какому состоянию, ремеслу относится каждый, чем он зарабатывает на жизнь, чтобы прогнать из республик мух, маскирующихся под ос, которые едят пчелиный мед, и изгнать бродяг, бездельников, воров, плутов, распутников, которые есть среди добрых людей, как волки среди овец: их [следует] видеть, замечать и узнавать повсюду. А что касается переписи имущества, в ней не менее нуждаются, чем в переписи людей. Кассиодор об этом говорит таким образом: Римская земля была разделена на наделы, выделенные частным лицам, чтобы ни у одного человека не было сомнительного владения, которое он взял за уплату определенной ренты или дани¹⁵.

СРЕДСТВО УРАВНЯТЬ ПОДАТИ И НАЛОГИ В СООТВЕТСТВИИ С ИМУЩЕСТВОМ КАЖДОГО

Таким образом, если вся Римская империя была взята под контроль [посредством] переписи, чтобы знать бремя, которое каждый должен нести в зависимости от имущества, которое он имеет, то насколько это более необходимо теперь, когда имеется тысяча разных налогов во всяких республиках, которых древние никогда не знали?

Этот пункт имеет такое значение, что его должно быть достаточно, когда не останется ничего другого, чтобы сделать так, чтобы каждый предоставлял посредством декларации имущество и доходы, как это было сделано в Провансе в 1471 году. Это впоследствии быстро показало, что третье сословие было бы угнетаемо двумя другими, если

¹⁵*Orbis Romanus agris divisus, cenuque descriptus est, ut possessio sua nulli haberetur incerta, quam pro tributorum susceperat quantitate soluenda.*

бы благодаря этому способу не были приняты меры по эдикту короля Франциска I, составленному в 1534 году, и по другому эдикту, составленному его преемником, по которому три сословия Прованса участвовали в судебных процессах, переданных в Парламент Парижа. В предварительном решении было сказано, что все люди, к какому бы состоянию они ни относились, будут платить пошлины и налоги согласно кадастрам, которые были составлены в 1471 году¹⁶ и в которых оказалось три тысячи дворов¹⁷, облагаемых налогом земель без учета их населения. Для взимания десятины в 1516 году оказалось необходимо сделать перепись всех бенефициев нашего королевства. И тем не менее произошедшие изменения потребовали новой переписи, так как получалось, что один бенефициарий платит более половины, другой же не платит и тридцатую часть от десятины. Аналогичный запрос был сделан королевским адвокатом Марийяком¹⁸ для расчетов подымной подати¹⁹ в Провансе. Посредством этого он собирался удовлетворить справедливые жалобы и сетования бедняков, которых богатые привыкли обременять налогами, освобождая себя от них по всей Франции, так же как в Провансе и Лангедоке. Благодаря этому прекратились бы мятежи, которые являются обычным делом в любой республике из-за налогового неравенства. И более того, все процессы, которые находятся [в ведении] помощников судей, были бы в большинстве своем прерваны или уничтожены в корне.

СРЕДСТВО ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ВЗЯТКАМ, КРАЖАМ
И ПОКРОВИТЕЛЬСТВУ ТЕХ, КТО СЛУЖИТ В ВЕДОМСТВЕ
НАЛОГОВ И СУБСИДИЙ

Благодаря этому взятки, приношения, покровительство сборщикам податей, оценщикам²⁰ и другим должностным лицам, которым поручено выровнять налоги, будут раскрыты или, по крайней мере, по судебным процессам будет легко вынести решение по записям цензоров.

¹⁶По кадастрам 1471 г. земли были разделены на владения знатных и незнатных, все три сословия выплачивали налог на землю.

¹⁷Фр. «feux» здесь переведено как «двор», имеется в виду существовавший в Средние века налог с каждого дыма (строения).

¹⁸В латинском переводе Марийяк не упоминается.

¹⁹Фр. «fouage» — подымная подать.

²⁰Фр. «assayeur», «assesseur».

ДОСТОЙНЫЙ ПОХВАЛЫ ОБЫЧАЙ АФИНЯН

Или же можно было бы показать обычай древних афинян, по которому если кто-то один был перегружен, имея меньшее имущество, чем другой, то он мог заставить того, кто облагался меньшим налогом, взять на себя его бремя или обменяться имуществом, как Исократ, который проиграл [дело] Лисимаху и выиграл его у Мегалида. Также благодаря этому можно было бы узнать, кто является расточителем, правопреемником, банкротом, богачом, бедняком, разорившимся мотом, ростовщиком и в какой игре одни выигрывают столько имущества, а другие теряют все, чтобы устранить это, раз так устроено, что из-за крайней бедности одних и чрезмерного богатства других случается столько мятежей, беспорядков и гражданских войн. Более того, все эдикты и ордонансы и вообще все судебные решения, постановления и приговоры, касающиеся денежных наказаний и штрафов, будут регулироваться согласно истинному распределению правосудия, когда будет известно имущество и вклад каждого, поскольку наказание не должно превосходить преступление. Таким образом, обман, который совершают в браке, при продаже, на рынках и во всех общественных и частных делах, будет раскрыт и распознан.

Я оставляю в стороне множество судебных процессов, касающихся наследства, дележа [имущества] и залогов, которые являются скрытыми для большинства и которые можно обнаружить в регистрах без дознания, что будет препятствовать расходам подданных и лжесвидетельствам, которые измышляются повсюду. Может быть, мне скажут, что тяжело выставить на осмеяние бедность одних и на зависть — богатство других. Вот главный аргумент, который можно использовать, чтобы помешать такому похвальному и святому делу. Но я говорю, напротив, что пройдет зависть к тем, о ком думают, что они богаты, и кто [на самом деле] не имеет ничего; и прекратятся насмешки над теми, кто владеет имуществом, но считается бедным. И нужно ли чтобы зависть недоброжелателей или насмешки остряков мешали такому святому и достойному делу? Никогда мудрый государь или добрый законодатель не опирается ни на зависть, ни на насмешки, когда речь идет о добрых законах и ордонансах, хотя выдвигаемый закон касается только движимого имущества и не касается недвижимого. Говорят, что нехорошо, чтобы знали об образе жизни, барышах, делах торговцев, которые часто основываются на векселях и кредитах, и что также нехорошо раскрывать тайны домов и семей. Я отвечаю, что только обманщики,

плуты и те, кто обманывает других, не хотят, чтобы раскрыли их игру, чтобы поняли их действия, чтобы знали об их жизни. А добрые люди, которые не боятся света, найдут удовольствие в том, что известно их состояние, их положение, их имущество, их образ жизни.

БЛАГОРОДНЫЙ ОТВЕТ ТРИБУНА

Один архитектор сказал однажды трибуну Друзу, что он сделает вход в его дом укрепленным, чтобы никто его не видел. Но тогда Друз попросил его сделать так, чтобы можно было видеть со всех сторон, что трибун делает в своем доме. Таким образом, Веллей Патеркул, который рассказывает эту историю, говорит, что этот человек был святой и чистый.

ЦЕНзуРА ПРОТИВ ЗЛОДЕЯНИЙ

Цензура направлена главным образом против злодеев. И на самом деле в древние времена каждый римлянин создавал реестр всех своих исков, трат и имуществ. Но на закате империи, когда начали появляться пороки, это прекратилось, по словам Аскония, потому что многие были осуждены на основании этих реестров. И я нахожу, что именно тираны, ростовщики, воры, наследники питали ненависть к цензуре и препятствовали насколько могли тому, чтобы перепись имущества не осуществлялась, как я заметил о Тиберии, Калигуле, Нероне, Домициане. Следовательно, чистая насмешка — полагать, что она служила бы тиранам для того, чтобы совершать незаконные поборы с народа, и что по вине цензуры с бедных сдирали три шкуры, а богатые всегда избегали этой участи, так как нет такого жестокого тирана, который не взимал бы с большей готовностью с богатого, чем с бедного. Таким образом, видно, что из-за происков богатых горожан и римских ростовщиков ни один из шести цензоров, выбранных в течение одного года, не смог заниматься цензурой, о чем трибуны, жалующься народу, говорили, что сенаторы боятся реестров и публичных актов, которые раскроют имущество и долги (активные и пассивные) каждого, благодаря которым узнают, что часть горожан угнеталась другой и была измучена ростовщицеством. Трибуны заявили, что отныне они не потерпят того, чтобы должник был отдан с торгов кредиторам или на военную службу, пока не будут показаны декларации о долгах каждого, чтобы принять меры и увидеть, как нужно сделать по закону. Тогда должники собираются вокруг Трибуна, чтобы оказать ему помощь и поддержку. Зачем же справедливому кредитору бояться, что увидят долги, им взыскиваемые?

Почему он не захочет, чтобы узнали о законных наследствах, доставшихся ему? Почему он будет препятствовать тому, чтобы видели имущество, справедливо приобретенное его умением и трудом? Это всегда обернется к его славе и чести; и если он порядочный (*homo de bien*) человек, если он стремится к сохранению республики, к помощи бедным, ему будет нетрудно предоставить декларацию о своем имуществе, чтобы помочь этим обществу, когда будет в этом нужда. А если он дурной [человек], если он ростовщик, взяточник, расхититель общественного [имущества], грабитель частных лиц, у него есть веская причина препятствовать и сопротивляться, пока он может, чтобы его имущество, его жизнь, его действия не были бы известны. Но это не повод для того, чтобы расспрашивать мнение трактирщиков, нужно ли уничтожить притоны; или распутных женщин, нужно ли закрыть дома терпимости; или банкиров, нужно ли отменить ростовщические проценты; или скверных людей, нужно ли иметь цензоров. Между тем все древние греки и латиняне всегда говорили о цензуре как о божественном деле, которое сохраняло величие империи римлян, пока цензоры пользовались доверием.

СУЖДЕНИЯ ДРЕВНИХ, КАСАЮЩИЕСЯ ЦЕНЗУРЫ. ОБЯЗАННОСТЬ ДРЕВНИХ ЦЕНЗОРОВ

Тит Ливий говорил о царе Сервии, который первым постановил, чтобы каждый предоставлял декларацию о своем имуществе: что цензура учреждена царем для величия будущей империи. Но с того момента как должность цензоров была учреждена вместо [должности] консулов, они мало-помалу начали знакомиться с нравами и жизнью каждого, и тогда стали уважать цензоров и чтить их больше, чем магистратов, о чем говорил Тит Ливий. По его словам, в тот год была учреждена должность цензора, выросшая из небольшой должности, которая впоследствии так разрослась, что цензор стал контролировать обычаи и дисциплину римлян, собрания Сената и всадников, а также вопросы чести и достоинства и публичные вопросы, связанные с доходами частных лиц²¹. В этом, следовательно, состояла обязанность цензоров:

²¹*Hic annus censurae initia fuit, rei a parva origine ortae, quae deinde tanto incremento ducta est, ut morum, disciplinae quae Romanae penes eam regimen senates equitumque centuriae, decoris, dedecorisque discrimen sub ditione eius magistratus, publicorum ius, privatorumque locorum, vectigalia populi Romani sub nutu, atque arbitrio essent* (см.: Тит Ливий, Адрианов, 2009: 190).

принимать перепись имущества и лиц, быть суперинтендантами финансов; заниматься откупом налогов, и дорожных пошлин, и всего имущества республики; исправлять злоупотребления, назначать и смещать сенаторов; отстранять от должности рекрутов-пехотинцев²² и людей из сословия всадников; фиксировать жизнь и нравы каждого. Плутарх оценивает это еще более высоко, называя цензуру службой наисвященной и всемогущей. Скажут, может быть, что ответственность была большой, между тем такой огромной империи хватало двух цензоров. Но можно было разделить обязанности, так как назначать и смещать сенаторов было поручено цензорам, чтобы освободить от этого народ, по словам Фестия, чего нельзя было бы сделать в монархии, где государь выбирал их [сенаторов] из своего совета.

ЦЕНзуРА — ЭТО СРЕДСТВО ИСПРАВЛЯТЬ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ВО ВСЕХ СОСЛОВИЯХ

Однако необходимо, чтобы суперинтенданты финансов были настоящими цензорами, то есть людьми безупречными и безукоризненными, так как нужно всегда доверять казну самому преданному, а исправление злоупотреблений — самому добродетельному. Что касается исправления правонарушений — это, возможно, самое прекрасное и самое превосходное дело в мире, которое было когда-либо введено в республике и которое более всего поддержало величие этой империи. Поскольку цензоры всегда выбирались из наиболее добродетельных людей республики, то они старались привести подданных к истинной цели чести и добродетели. Это делалось каждые пять лет, и после того, как улучшилось состояние финансов и стали сдавать в аренду государственные земли. И если цензурой пренебрегали, как иногда случалось в длительные периоды войн, то сразу замечали, что нравы народа портились и что республика становилась больной, как тело, лишенное обычного очищения желудка. Это оказалось заметным во время второй Пунической войны, когда не было возможности заниматься этим. Но как только Ганнибал отступил с территории Неаполя, тогда цензоры, по словам Тита Ливия, попытались реформировать нравы людей и наказать пороки, возникшие в результате войн, как это часто бывает в больших

²²Фр. «les gens des ordonnances» — рекруты-пехотинцы, служившие в пограничных, рубежных регионах.

телах²³. И тем не менее они остановились только на злоупотреблениях, которыми не занималось правосудие, так как магистраты и народ были знакомы с убийствами, отцеубийствами, кражами, взяточничеством и другими подобными преступлениями, которые наказывались законами. Кто-нибудь скажет: разве недостаточно наказаний за преступления и злодеяния, изложенных в эдиктах и ордонансах? А я говорю, что законы исправляют только злодеяния, которые нарушают покой республики, причем наиболее отличившиеся в низости почти всегда ускользают от наказания по закону, как крупные животные, которые легко разрывают паутину. И кто этот неблагоприятный человек, который измерит честь и добродетель с помощью законов? Сенека говорил: «кто тот, кто назовет себя невиновным по всем законам? Насколько точна невиновность, чтобы являться добрым по закону? Насколько правила долга важнее закона? Сколько всего бросают вызов благочестию, гуманности, свободе, справедливости и вере, которые не помещены в публичные дела!»²⁴

САМЫЕ БОЛЬШИЕ И САМЫЕ ЧАСТЫЕ ПОРОКИ, НАКАЗЫВАЕМЫЕ ЦЕНЗУРОЙ, КОТОРЫЕ НЕ ЗАТРАГИВАЮТСЯ ЗАКОНАМИ

Мы хорошо знаем, что самые ненавистные пороки, которые больше всего вредят республике, никогда не подлежат судебному разбору. Вероломство никогда не наказывается законом, хотя это один из самых ужасных пороков. Но цензоры, по словам Цицерона, заботливо занимались тем, чтобы наказать вероломство, пьянство, карточные игры, распутство и похотливость, которые разрешены с чрезмерной вседозволенностью. И кто может это устранить, кроме цензуры? Мы видим также, что большинство республик наполнено бродягами, бездельниками, распутниками, которые развращают делом и примером всех добрых подданных, и есть только одно средство, чтобы изгнать этот сброд, — это цензура.

²³Ad mores hominum regendos animum adverterunt, castigandaque vitia, quae velut diutinos morbos aegra corpora ex se se gignunt, nata bello errant (см.: Тит Ливий, Адрианов, 2009: 662).

²⁴Quis est, qui se profitetur legibus omnibus innocentem? Ut hoc ita sit, quam angusta est innocentia ad legum bonum esse: quanto latius patet officiorum, quam iuris regula? Quam multa pietas, humanitas, liberalitas, iustitia, fides exigent, quae extra publicas tabulas sunt! (Сенека, Ошеров, 2018).

НЕОБХОДИМАЯ ПРИЧИНА, ЧТОБЫ ВОССТАНОВИТЬ ЦЕНЗУРУ

Есть особая причина, которая показывает, что цензура сейчас более необходима, чем когда бы то ни было, поскольку в прежние времена каждая семья имела право вершить правосудие высшего, среднего и низшего уровня: отец над детьми, господин над своими рабами имели суверенную власть над [их] жизнью и смертью и, если можно так сказать, выносили окончательный приговор. И муж над женой имел ту же власть в четырех случаях, как мы об этом говорили в своем месте. Но теперь, когда все это прекращается, на какое правосудие можно надеяться, когда дети не уважают своих отцов и матерей? Когда плохо управляются супружеские пары? Когда [слуги] пренебрежительно относятся к своим хозяевам? Сколько мы видим девушек, проданных и обесчещенных своими родителями? Или которые страдают от того, что они скорее покинуты, чем замужем? Нет другого способа предотвратить это, кроме цензуры. Я вовсе не говорю здесь о совести перед Богом, которая является первым и главным, о чем нужно более всего заботиться в каждой семье и республике, это то, что всегда было укреплено за понтификами, епископами и другими служителями церкви, это то, за чем должны бдительно следить магистраты. Хотя закон Божий повелевает, чтобы каждый предстал перед ним по меньшей мере на трех великих праздниках ежегодно, находятся еще те, кто туда не ходит вовсе. И мало-помалу из пренебрежения религией вышла ненавистная секта атеистов, у которых только богохульство на устах и презрение ко всем законам божественным и человеческим. Из этого проистекает множество убийств, отцеубийств, отравлений, предательств, клятвопреступлений, измен, инцестов, так как не нужно ждать, что правители и магистраты заставят подчиняться законам подданных, которые попирают ногами всякую религию. Однако это зависит от служителей церкви или цензоров, которые используют божественные законы тогда, когда ордонансы не имеют больше силы, поскольку страх перед законом подавляет не преступления, а свободу. Как говорил Лактанций: «Законы могут наказывать преступления, но они не могли укрепить и исправить совесть»²⁵. А что касается одной из главных обязанностей республики — воспитания молодежи, о которой нужно в первую очередь заботиться, как о молодых ростках, — мы видим, как им пренебрегают; и то, что должно было бы быть публичным, отдано на усмотрение

²⁵Possunt enim, leges delicta punire, conscientiam munire non possunt (см.: Лактанций, Тюленев, 2007: 225).

каждого. Кто-то этим пользуется для своего удовольствия, кто одним способом, кто другим, но я не буду здесь это затрагивать, потому что рассматривал этот вопрос в другом месте. Тем более, что Ликург, говоря, что на этом основывается любая республика, приказал великому Педономию, цензору молодежи, направлять ее согласно законам, а не по усмотрению родителей. Это же было предписано в указе афинян, опубликованном по требованию Софокла, хорошо знавших, что законы сводятся на нет, если молодежь, как говорил Аристотель, не осведомлена о добрых нравах. А ведь все это зависит от заботы и бдительности цензоров, которые прежде всего должны присматривать за нравами молодежи и назначением учителей для нее.

КОМЕДИИ И ФАРСЫ ГИБЕЛЬНЫ ДЛЯ ЛЮБОЙ РЕСПУБЛИКИ

Я не говорю также о злоупотреблении, которое совершается, когда терпимо относятся к комикам и жонглерам. Это еще одно из самых пагубных бедствий для республики, какое только можно вообразить, так как нет ничего другого, что больше портило бы добрые нравы, простодушие и естественную доброту народа. Слова, интонация, жесты, движения и действия (совершаемые со всеми уловками, какие только можно вообразить) самого гнусного и бесчестного поданного, какого только можно выбрать, воздействует и оказывают гораздо большее влияние и оставляют живое впечатление в душе тех, кто внимает им всеми своими чувствами. Короче, можно сказать, что театральное искусство актеров есть обучение всякому бесстыдству, похотливости, распутству, хитрости, лукавству, злобе. И не без причины Аристотель говорил, что нужно предостерегать людей от того, чтобы они ходили на комические представления. Он еще лучше сказал, что нужно снести театры и закрыть городские ворота перед актерами. Сенека говорит: «Ибо нет ничего более противного хорошим нравам, чем страсть к играм»²⁶. Если говорят, что греки и римляне позволяли игры, то я отвечу, что это было из-за чрезмерной привязанности к своим богам. Но самые мудрые их всегда осуждали театральное искусство, так как, хотя трагедия несет в себе нечто более героическое и меньше изнеживает сердца мужчин, тем не менее Солон, увидев, как играют трагедию Фесписа, нашел это очень плохим, и о чем, извиняясь, Феспис говорил, что это была всего лишь игра. Но Солон не согласился и заявил, что игра приняла серьезный оборот. Еще больше он осуждал бы комедии, которые

²⁶Quia nihil tam moribus alienum, quam in spectaculo desiderare Сенека, Ошеров, 2018: 14.

еще были неизвестны. А сейчас ставят всегда в конце трагедий (как яд в мясо) фарс или комедию. И даже если игры были бы терпимы у средиземноморских народов из-за их тяжелого и меланхолического нрава и природного постоянства (они менее подвержены изменениям), то это должно быть запрещено народам, живущим севернее, из-за их сангвинической, легкомысленной и переменчивой природы; у которых почти вся сила души заключается в простых и грубых чувствах.

Но не нужно надеяться, что игры будут запрещены или что им будут мешать магистраты, так как обычно мы видим их на играх на первых местах. В этом заключается главная обязанность серьезных и строгих цензоров, которые будут иметь достаточно мудрости, чтобы поддерживать добропорядочные занятия гимнастикой для сохранения здорового тела и музыкой для обуздания желаний разумом. Я понимаю под музыкой не только то, что обозначает гармонию, но и все свободные и почтенные искусства. И они будут заботиться о том, чтобы подлинная музыка не была бы искажена и испорчена как сейчас, поскольку нет ничего, что лучше бы отражало внутренние движения души. И, по крайней мере если нельзя достичь этого, то пусть ионические и лидийские песни, то есть пятый и седьмой тон, будут изгнаны из республики и запрещены молодежи; о необходимости этого говорили Платон и Аристотель. Во всяком случае, пусть диатоническая музыка, которая более естественна, чем хроматическая и энгармоническая, не будет испорчена примесью других. И пусть дорийские песни, или песни первого тона, которым присуща нежность и пристойная степенность, маскируются и дробятся другими тонами так, что большинство музыкантов становятся от этого безумными и безрассудными, потому что они, по-видимому, уже не могут наслаждаться подлинной музыкой, подобно тому как расстроенный и испорченный лакомствами желудок не может наслаждаться хорошей и здоровой пищей. А между тем все это входит в обязанности цензоров, учитывая, что судьи и другие должностные лица никогда не будут этим заниматься. Жалуются также на излишества в одежде и то, что законы против роскоши попираются. Никогда не будет по-другому, если не будет цензоров, которые заставили бы исполнять законы, как делали когда-то в Афинах номофилаки²⁷. Вот почему некий древний оратор говорил, что тот трибун, который первым урезал могущество цензоров, разрушил республику. И это был Клавдий,

²⁷Номофилаки — должностные лица, ответственные за исполнение законов в Афинах и в других городах Древней Греции.

один из самых скверных людей, какие были в то время. Поэтому этот закон был отменен шесть лет спустя законом Цецилии. Итак, поскольку цензура — такое прекрасное, такое полезное и такое необходимое дело, то остается рассмотреть, должны ли цензоры иметь юрисдикцию по гражданским делам, так как кажется, что цензура будет иллюзорной без юрисдикции. Тем не менее я говорю, что цензорам не нужно иметь какую-либо юрисдикцию, чтобы их обязанности не сопровождались судебными процессами и ябедничеством.

ЦЕНЗОРЫ НЕ ДОЛЖНЫ ИМЕТЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Так, древние римские цензоры не имели никакой юрисдикции, но один их взгляд, или слово, или росчерк пера был более разящим и затрагивал более живо, чем все постановления и решения магистратов. Когда проводилась люстрация, четыреста или пятьсот сенаторов, сословие всадников и весь народ дрожал от страха перед цензорами: сенатор — как бы он не был изгнан из Сената, всадник — как бы его не лишили коня или не причислили к народу, а простой гражданин — как бы не быть вычеркнутым из своего сословия и своего рода и не оказаться в числе лишенных наследства и платящих подать. Тит Ливий рассказывает о 66 сенаторах, вычеркнутых однажды из регистра и изгнанных из Сената. И тем не менее, для того чтобы почет и такое большое влияние цензоров не стали началом тирании, чтобы они не обладали властью и юрисдикцией или не судили, было решено, что у них не будет ничего, кроме цензуры. Поэтому, по словам Цицерона, суждение цензоров заставляет только краснеть. И до тех пор, пока это касалось только имени, отметка цензора называлась *Ignominia*, это отличается от бесчестия, позора, которое зависит от судей, имеющих общественную юрисдикцию, и от случаев, из-за которых страдают от позора и бесчестия. Поэтому претор клеймил позором тех, кто был отстранен от должности с отметкой о лишении честного имени, что было бы смешно, если бы они были бесчестными. И все же было сомнение в том, что делали юрисконсульты, если люди, лишенные честного имени, должны были нести наказание бесчестных, и это достаточно хорошо показывает, что лишение честного имени и бесчестье — это не одно и то же, как многие думали.

Древний греческий обычай позволял всем предать смерти того, кто был провозглашен бесчестным, и его детей, как говорит оратор Либакий в речи об Аллиротии. Так как, хотя цензор вычеркнул сенатора из регистра Сената, он был бы принят туда, признан невиновным и восстановлен, если бы хотел представить прошение народу и доказать свою

невиновность. Но если бы был обвинитель, который поддержал цензуру, или сам цензор выступил бы как обвинитель в качестве частного лица, если бы обвиняемый был уличен и осужден народом или выборными представителями народа, тогда он был бы не только лишенным честного имени, но и бесчестным и лишенным навсегда права нести службу. Поэтому те, кто был вычеркнут цензорами, не подвергались суду, но тем не менее они были предварительно осужденными. И если цензор был красноречивым человеком, он брал на себя функции обвинителя тех, кто хотел восстановиться, несмотря на цензуру. Так сделал Катон против Л. Фламиния, выступив с речью о его отвратительной и грязной жизни и вычеркнув его из списков сенаторов. Наиболее же опытные и самонадеянные просили какую-нибудь должность или почетное поручение от народа²⁸. И если они это получали, то освобождались от позора или от суждения цензора или же восстанавливались другими цензорами через пять лет. Но если они не делали ни то, ни другое, то вход в Сенат им был совершенно закрыт. Рассказывая о таких, Ульпиан говорит, что они не могут выступать как свидетели, но он не осмеливается это утверждать. И для лучшего подтверждения того, что было сказано выше, Цицерон приводит пример Гая Гета, который был вычеркнут и изгнан из Сената цензорами, и тем не менее затем он был избран цензором. И немного позже он говорит, что древние хотели, чтобы цензура несла некоторый страх, а не наказание. Это была частично причина того, почему закон Клавдия был отменен. Он хотел, чтобы сенатор не мог быть ни изгнан из Сената, ни вычеркнут из регистров, если он не был обвинен в присутствии цензоров и осужден одним из них. Это сделало бы из цензуры шумную толпу и уничтожило бы ее. Однако ее так чтили, что римский Сенат не захотел допустить, чтобы цензоры после выполнения своих обязанностей обвинялись бы или подвергались суду за те дела, которые они совершили, хотя это было дозволено законом для всех других магистратов. И, кажется, [по этой причине] император Константин разорвал все обвинительные пасквили, выдвинутые против церковных служителей на соборе в Ницце, сказав, что он не хочет судить тех, кто был цензором ныне живущих людей. И по этой же причине Карл Великий в свои законы включил правило,

²⁸Ср. в латинском тексте: «Иные же, кто жаждал очиститься от клейма стыда и позора, не пытали судьбу перед судьями, но просили у народа экстраординарную магистратуру или империй, поручение по управлению чем-либо или же должность жреца, и, если получали желаемое, с них снимался всякий позор». — прим. ред.

которое гласило, что прелат не будет судим, если не будет семидесяти двух свидетелей, и что Папа никем не будет судим. И это соблюдалось до собора в Констанце, на котором декретом было установлено, что начиная с этого момента Папа будет судим церковным собором.

Я не буду оспаривать, хорошо ли обоснована церковная юрисдикция, но следует опасаться, что можно потерять и юрисдикцию, и церковную цензуру, которая всегда имела большое значение. Точно так же, как древние друиды, которые были суверенными судьями и понтификами в Галлии, отстраняли королей и государей, не желающих повиноваться их решениям, так и церковная цензура у христиан не только поддерживала дисциплину и добрые нравы на протяжении многих веков, но и заставляла трепетать от страха тиранов и вразумляла королей и императоров, а часто срывала короны с их голов и вырывала скипетры из их рук, принуждая их заключить мир, или начать войну, или же изменить их беспутную жизнь, или вершить правосудие и реформировать законы. Все истории полны этими примерами, но нет более известной, чем история о святом Амвросии, который подвергал цензуре Феодосия Великого, и история о Папе Николае I, который подвергал цензуре Лотаря, короля Италии²⁹, и история об Иннокентии, который отлучил Людовика VII, короля Франции, на целых три года, и ни один священник не осмеливался дать ему просфору.

Правда и то, что злоупотребление цензурой имело настолько большие последствия, что заставляло не соблюдать правила и пренебрегать священнослужителями и их цензурой, которая заключалась в запрете, временном отстранении и отлучении от церкви, так как многие отлучали по незначительной причине, по поводу и без повода. Они установили даже 39 обстоятельств, по причине которых подвергались отлучению действительно без суда и без приговора. И более того, отлучению подвергали также сословия и коллегии, университеты, императоров, королей и королевства, невзирая на возраст, пол, не различая невинных и сумасшедших. Хотя затем и исправили это злоупотребление, но уже поздно и только наполовину. Тем не менее в нашем королевстве было установлено ордонансами Орлеана, что будут пользоваться отлучениями только в случае серьезных преступлений и общественных скандалов. Однако прелаты, епископы и Папы всегда настаивали на том, что им принадлежит право на цензуру нравов и религии, рассматривая их как

²⁹Боден ошибается: Лотарь II был королем не Италии, а Лотарингии.

общественное дело, к которому не имеют отношения судьи и магистраты, только разве что в случае исполнения. И впоследствии древние и служители церкви пользовались во многих местах тем же правом — которое действительно необходимо, если нет цензоров, — как для того, чтобы исправить нравы народа и старательно заботиться о них, так и для того, чтобы узаконить сан пасторов, епископов, священнослужителей, которым невозможно в полной мере оказать почести, а также бремя и сан которых нельзя оценить. Бог об этом мудро позаботился, выбирая своих служителей и отдавая почетное преимущество потомству Левия над всеми потомствами и роду Аарона, из которого были только священники, над всеми Левитами, дав им десятину от скота, от плодов, от всякого наследства, большие почести и привилегии. И в одной статье закона Божьего закреплено, что тот, кто не повинуется решению великого Понтифика, будет предан смерти.

НЕДОСТОЙНОСТЬ, БЕЗРАЗЛИЧИЕ И НИЩЕНСТВО
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ЗАСТАВЛЯЕТ ПРЕНЕБРЕГАТЬ РЕЛИГИЕЙ

А те, кто хочет принизить положение священников, епископов и священнослужителей и отнять у них церковную цензуру, имущество и почести, чтобы увидеть их погрязшими в безделье и попранными, не боятся Бога и уничтожают любую религию. Это было частично причиной того, что главный священнослужитель Лозанны покинул город, потому что сеньоры лиг не могут осуществлять цензуру нравов, как древние. Совершенно необходимо, следовательно, чтобы были цензоры.

Но сеньория Женевы оставила это право епископам, священнослужителям и древним — иметь права сословий и коллегий и подвергать цензуре в своих консисториях нравы и жизнь, не имея все же ни юрисдикции, ни власти повелевать, ни власти исполнять свои приговоры самим или должностным лицам сеньории. А если им не повинуются, они отлучают от церкви: это влечет за собой серьезные последствия, так как отлученный через некоторое время подвергается преследованию в судебном порядке инквизитором веры (прежде магистрата), как это делается в католической церкви, но не так быстро. Так, оказалось, что один человек был пятнадцать лет отлученным от церкви, а затем был призван к инквизитору веры, который хотел начать судебное дело против него. Он обратился с жалобой на это злоупотребление в Парламент, где его жалобу не приняли, но приговорили к штрафу и приказали, чтобы он был схвачен и приведен как арестованный в тюрьмы епископа, а инквизитору было приказано, чтобы он подал в суд на него и довел

свой процесс до окончательного приговора и уведомил об этом суд. Тогда было позволено отлучать от церкви любого, даже за простые долги, хотя бы должники и заявляли, что у них ничего нет. Но начиная с ордонанса, опубликованного по просьбе штатов, собравшихся в Орлеане, и подтвержденного постановлением Парламента, епископы и служители церкви не могли больше так пользоваться цензурой в нашем королевстве. И действительно, месье Дю Мулен очень сильно обижался в Лионе на консисторию, говоря, что она под видом цензуры осуществляла светскую юрисдикцию, и порицал это в католической церкви. И тем не менее, если убрать такие средства, как временное отлучение, запрет и отлучение от церкви, то церковная цензура уничтожается, а добрые нравы и дисциплина упраздняются. Но это не повод для того, чтобы из-за неповиновения в незначительных делах пользоваться такой цензурой.

Древние цензоры делали записи и отметки в регистрах против тех, кто этого заслуживал, чтобы предупредить своих преемников по должности о тех, кто ранее был внесен в книги, если они не исправлялись. Мне кажется, что этого было бы достаточно, чтобы не применять штрафы, не запрещать или не отлучать от церкви из-за неуплаты.

Я оставляю более мудрым решать, будет ли лучше разделить светскую цензуру, занимающуюся нравами и другими случаями, отмеченными выше, и цензуру церковную или же объединить одну с другой. Но лучше позволить епископам и служителям церкви и то, и другое, чем отнять у них все и лишит республику самой необходимой вещи, так как известны республики, которые это используют и в которых процветают законы и добрые нравы. Видно, что распутство, ростовщичество, притворство, излишества во всем — уничтожены, богохульники, распутники, бездельники — изгнаны. И не нужно сомневаться, что республики, которые так используют цензуру, будут вечными и преуспевающими во всем. А если цензура прекращена, то законы, добродетели и религия не будут соблюдаться, как случилось в Риме какое-то время тому назад, когда эта империя была разрушена. Тогда вместо цензоров учредили должность, которую называли трибун удовольствий и наслаждений, как можно видеть у Кассиодора. Но поскольку цензура была главным образом учреждена ради податей, повинностей и налогов и сбора денег на общественные нужды, поговорим также о финансах.

ИСТОЧНИКИ

- Bodin J.* Les six livres de la République. — Paris : Chez Jacques du Puys, 1579.
Bodin J. Les six livres de la République. — Paris : Fayard, 1986.

ЛИТЕРАТУРА

- Аното Г.* Франция до Ришелье. Король, власть и общество в 1614 году / под ред. С.Л. Моравского ; пер. с фр. С.П. Мельгунова. — СПб. : Евразия, 2017.
- Баязитова Г. И.* Жан Боден и Тулуза // Европа. Международный альманах. — 2015. — Т. 14, № 1/2. — С. 41–46.
- Баязитова Г. И.* О понятии «République» у Франсуа Отмана и Жана Бодена // Философия : Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 57–71.
- Боден Ж.* Шесть книг о государстве / пер. с фр. Г. И. Баязитовой // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа V–XVII вв. / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — М. : Мысль, 1999а. — С. 219–229.
- Боден Ж.* Шесть книг о государстве / пер. с фр. Н. А. Хачатурян // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа V–XVII вв. / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — М. : Мысль, 1999б. — С. 688–695.
- Лактанций.* О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпистомы Божественных установлений / пер. с лат. В. М. Тюленева. — СПб. : Издательство Олега Абышко, 2007.
- Ливий Т.* История Рима от основания Города / пер. с лат. П. Адрианова. — М., СПб. : Эксмо, Мидгард, 2009.
- Маркин А. Н.* Институт цензуры в Римской республике // Вестник Удмуртского университета. — 2016. — Т. 26, № 1. — С. 7–16.
- Сенека.* Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С. Ошерова. — М. : Издательство АСТ, 2018.
- Bodin J.* De Republica libri sex. — Paris : apud J. Du-Puys, 1586.
- Bodin J.* The Six bookes of a Commonweale / trans. from the French, from the Latin by R. Knolles. — London : Impensis G. Bishop, 1606.
- Lodge R. A.* Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue / trad. de l'anglais par C. Veken. — Paris : Fayard, 1997.
- Marzys L.* La formation de la norme du français cultivé // Kwartalnik neofilologiczny. — 1974. — Т. 22, n° 3. — P. 315–332.
- Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. En 29 t. 1514–1546 / sous la dir. de F.-A. Isambert. — Paris : Plon, 1826.

Bodin, J. 2022. "Shest' knig o respublikhe [Les six livres de la République]: Kniga 6. Glava 1. O tsenzure [Livre 6. Ch. 1. De la Censure]" [in Russian], trans. from the French and annot., with an introd., by G. I. Bayazitova, N. N. Lykova, and D. S. Mityureva. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 339–368.

JEAN BODIN

LES SIX LIVRES DE LA RÉPUBLIQUE

LIVRE 6. CH. 1. DE LA CENSURE

Translation of: Bodin, J. 1986. *Les six livres de la République* [in French]. Paris: Fayard. P. 613–627.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-339-368.

REFERENCES

- Bayazitova, G. I. 2015. "Zhan Boden i Tuluza [Jean Bodin and Toulouse]" [in Russian]. *Yevropa. Mezhdunarodnyy al'manakh [Europe. International almanac]* 14 (1/2): 41–46.
- . 2017. "O ponyatii 'République' u Fransua Otmana i Zhana Bodena [On the Concept of 'the Republic' in François Hotman's and Jean Bodin's Works]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 1 (1): 57–71.
- Bodin, J. 1579. *Les six livres de la République* [in French]. Paris: par J. du Puys.
- . 1586. *De Republica libri sex* [in Latin]. Paris: apud J. Du-Puys.
- . 1606. *The Six bookes of a Commonweale [Les six livres de la République]*. Trans. from the French and from the Latin by R. Knolles. London: Impensis G. Bishop.
- . 1986. *Les six livres de la République* [in French]. Paris: Fayard.
- . 1999a. "Shest' knig o gosudarstve [Les six livres de la République]" [in Russian]. In *Yevropa v–XVII vv. [Europe of the 5th – 17th Centuries]*, vol. 2 of *Antologiya mirovoy pravovoy mysl'i [Anthology of World Legal Thought]*, ed. by N. A. Krashenninnikova, trans. from the French by G. I. Bayazitova, 219–229. 5 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1999b. "Shest' knig o gosudarstve [Les six livres de la République]" [in Russian]. In *Yevropa v–XVII vv. [Europe of the 5th – 17th Centuries]*, vol. 2 of *Antologiya mirovoy pravovoy mysl'i [Anthology of World Legal Thought]*, ed. by N. A. Krashenninnikova, trans. from the French by N. A. Khachatryan, 688–695. 5 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Hanotaux, G. 2017. *Frantsiya do Rishel'ye. Korol', vlast' i obshchestvo v 1614 godu [La France en 1614. La France et la royauté avant Richelieu]* [in Russian]. Ed. by S. L. Moravskiy. Trans. from the French by S. P. Mel'gunov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevraziya.
- Isambert, F.-A., ed. 1826. *1514–1546* [in French]. In *Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789*. 29 vols. Paris: Plon.
- Laktantsiy [Lactantius]. 2007. *O tvorenii Bozhiyem. O gneve Bozhiyem. O smerti goniteley. Epistomy Bozhestvennykh ustanovleniy [De officio Dei. De ira Dei. De mortibus persecutorum. Epitome divinarum institutionum]* [in Russian]. Trans. from the Latin by V. M. Tyulenev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
- Lodge, R. A. 1997. *Le français. Histoire d'un dialecte devenu langue [French]* [in French]. Trans. from the English by C. Veken. Paris: Fayard.

- Markin, A. N. 2016. "Institut tsenzury v Rimskoy respublike [Institute of Censure in the Roman Republic]" [in Russian]. *Vestnik Udmurt-skogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]* 26 (1): 7–16.
- Marzys, L. 1974. "La formation de la norme du francais cultivé" [in French]. *Kwartalnik neofilologiczny* 22 (3): 315–332.
- Seneka [Lucius Annaeus Seneca]. 2018. *Nravstvennyye pis'ma k Lutsiliyu [Epistulae morales ad Lucilium]* [in Russian]. Trans. from the Latin by S. Osherov. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AST.
- Tit Liviy [Titus Livius]. 2009. *Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda [Ab Urbe condita]* [in Russian]. Trans. from the Latin by P. Adrianov. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Eksmo / Midgard.